

УДК 343.9.01

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(4).531-540

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСПИРОЛОГИИ

М.П. Клейменов^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 июля 2020 г.

Дата принятия в печать

19 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения

31 августа 2020 г.

Ключевые слова

Криминология; конспирология; преступный сговор; криминальный менеджмент; коррупция; криминализация общественных отношений; криминальное государство; криминальные проекты

Аннотация. В статье предлагается криминологический взгляд на конспирологию — область знаний, анализирующую явления, связанные с конспирацией, тайной, подпольной, скрытой деятельностью. С криминологической точки зрения конспирология имеет несколько измерений, каждое из которых требует самостоятельного анализа и методологического подхода. Первое из них является традиционным и имеет отношение к соучастию или преступному сговору. Автор показывает ограниченность отечественной доктрины соучастия в борьбе с организованной преступностью и возражает против табуирования темы преступного сговора среди представителей легальных структур власти и управления. Второе измерение характеризует конспирацию преступной деятельности, профессиональный криминальный менеджмент, который определяется как управление: 1) преступной организацией; 2) лицами, занимающимися преступной деятельностью, со стороны преступных сообществ и их лидеров; 3) осужденными в местах лишения свободы. Отсюда вытекает понятие криминалитета как лиц, занимающихся криминальным менеджментом. Третье измерение касается взаимодействия и сотрудничества представителей официальной и криминальной власти. Здесь злободневна проблема коррупции. Четвертое измерение имеет отношение к криминализации общественных отношений различного характера и разного уровня, скатыванию государственного управления в трясину криминала, последним пределом которого становится появление криминального государства. Пятое измерение, наиболее обсуждаемое в настоящее время, — преступные планы глобалистов, этого глубинного субъекта мировой политики. Глобальные конспирологи живут в созданном ими сюрреалистическом мире, они знаменуют отрицательную социодинамику — движение назад, в прошлое, в «темные века» язычества. Им свойственно криминальное мышление. В статье отмечается, что в условиях нагромождения симулякров в информационном пространстве каждому мыслящему человеку приходится самому определяться, чью сторону он выбирает: адептов глобальных конспирологических проектов или их противников. В ряду критериев, на которые он может опереться, автор предлагает обратить внимание на криминологический и уточнить, в какой степени криминальны реализуемые проекты и насколько криминогенны их последствия.

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF CONSPIROLOGY

Mikhail P. Kleymenov^{1, 2}

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 July 18

Accepted

2020 August 19

Available online

2020 August 31

Keywords

Criminology; conspirology; criminal conspiracy; criminal management; corruption; criminalization of public relations; criminal state; criminal projects

Abstract. The author presents a criminological view of conspirology — the area of knowledge that analyzes phenomena connected with conspiracy, secret, undercover, hidden activities. From the criminological perspective, there are several dimensions to conspirology, each of which requires an independent analysis and methodological approach. The first one is traditional and relates to complicity or criminal conspiracy. The author shows the limited character of the Russian doctrine of participation in counteracting organized crime and objects against tabooing the topic of criminal conspiracy among the representatives of the legit bodies of power and governance. The second dimension describes the conspiracy of criminal activities, professional criminal management defined as the management of: 1) a criminal organization; 2) persons involved in criminal activities by criminal communities and their leaders; 3) convicted inmates. This leads to the concept of criminal bosses as persons involved in criminal management. The third dimension

is connected with the interaction and cooperation between the representatives of official and criminal powers. The problem of corruption is especially relevant here. The fourth dimension relates to the criminalization of public relations of different types and levels, or the sliding of public governance into the quagmire of criminality, which, in its final form, leads to the emergence of a criminal state. The fifth dimension, most actively discussed at present, is the criminal plans of globalists, this deep subject of the world politics. Global conspirologists live in a surreal world of their own making, they signify negative social dynamics — backward movement to the past, to the «dark ages» of paganism. They are characterized by a criminal mentality. In the conditions when simulacra are piling up in the information space, each thinking individual is forced to decide whose side to pick: either that of the adepts of global conspiracy projects or of their opponents. The author suggests using the criminological criterion as one of the foundations for making this decision and determining how criminal the implemented projects are and how criminogenic are their consequences.

Введение

Конспирология (от англ. conspiracy — заговор) — область знаний, анализирующая явления, связанные с конспирацией, тайной, подпольной, скрытной деятельностью. Сфера этих знаний чрезвычайно широка — от религиозных и псевдорелигиозных до исторических и политологических. Здесь есть место и психологам, исследующим конспирологическую ментальность; и психиатрам — когда такая ментальность выходит за очерченные этой наукой границы; и филологам, изучающим популярный литературный жанр конспирологического детектива [1]; и, конечно, криминологам, поскольку в предмет криминологии включена организованная преступность, а значит, преступные организации и сообщества, которые всегда имеют конспиративный бэкграунд. С криминологической точки зрения конспирология имеет несколько измерений, каждое из которых требует самостоятельного анализа и методологического подхода. Первое из них является традиционным и имеет отношение к соучастию или преступному сговору. Второе измерение характеризует конспирацию преступной деятельности, профессиональный криминальный менеджмент. Третье касается взаимодействия и сотрудничества представителей официальной и криминальной власти. Четвертое имеет отношение к криминализации общественных отношений различного характера и разного уровня, скатыванию государственного управления в трясины криминала. Пятым измерением, наиболее обсуждаемым в настоящее время, являются преступные планы глобалистов — глубинного субъекта мировой политики.

Методология

В ходе исследования использованы формально-догматический, сравнительно-истори-

ческий, системный, прогностический, симуляционный подходы.

Результаты

Преступный сговор. Методологией его изучения является соответствующая уголовно-правовая теория. В рамках российского уголовного права развивалось учение о соучастии, когда даже сговор рассматривался как соучастие по предварительному соглашению [2, с. 335]. В современной отечественной доктрине речь идет о соучастии без предварительного сговора и по предварительному сговору. Между тем такой подход серьезно ограничивает борьбу с организованной преступностью, и опыт США показывает, что понятие преступного сговора должно быть существенно расширено. В этом плане Закон РИКО предлагает рассматривать организованную преступную деятельность как широкомасштабный (в пространстве, включая правовое, и времени) криминальный сговор¹. Его эффективность доказана судебной практикой не только США [3], но также и Грузии [4]. Российские криминологи давно предлагают воспринять такой опыт хотя бы частично, включив в УК РФ ст. 35.1 «Понятие преступного сообщества», но со времен наложения президентом РФ Б.Н. Ельциным последнего вето на проект федерального закона «О борьбе с организованной преступностью»² эта тема в отечественном

¹ Criminal Rico: 18 U.S.C. 1961–1968: A Manual for Federal Prosecutors / U. S. Department of Justice, Organized Crime and Gang Section. 6th ed. Createspace Independent Publishing Platform, 2016. 556 p.

² Государственная Дума и Совет Федерации дважды принимали федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью», на каждый из которых первым президентом РФ накладывалось вето (в 1995 и 1997 гг.). URL: <http://www.crimas.ru>.

законодательстве табуирована. Более того, новое примечание к ст. 210 УК РФ вообще запрещает рассматривать в качестве участников преступного сообщества учредителей, участников и руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководителей, работников ее структурного подразделения при совершении какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Иными словами, современный российский законодатель отрицает очевидную возможность использования легальных структур власти и управления для организованной преступной деятельности. Этим самым он категорически игнорирует отечественный опыт регулирования общественных отношений во времена кардинальных перемен, когда как раз общественно опасным признавалось такое их использование. По УК РСФСР 1922 г. расстрелом с конфискацией имущества каралось участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий или использующей таковые в тех же целях (ст. 63)³. Отвечая на конспирологический вопрос «Кому выгодно?», можно констатировать активную роль в принятии нового примечания к ст. 210 УК РФ института уполномоченных по защите прав предпринимателей. Этот институт (вместе с другими субъектами) функционирует в парадигме «кошмарят бизнес» и вносит существенный вклад в последовательное нарушение принципа равенства всех перед законом в современной России [5; 6]. Напомним диспозицию ст. 69 УК РСФСР «Вредительство»: «Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, *если*

это деяние совершено путем использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций» (курсив наш. — М. К.). Сейчас более чем уместно включить такую норму в действующий УК РФ.

Конспирация преступной деятельности. Ее изучение опирается на сравнительно-исторический подход, что обусловлено генезисом организованной преступности, возникающей вначале как стратегия выживания, а затем стремящейся обрести экономическое и даже политическое влияние. Кроме того, заговоры пронизывают всю историю человечества. Наконец, самостоятельный раздел представляет история тайных обществ, многие из которых являлись угрозой для существующей власти и поэтому признавались преступными. «Во все времена и у всех народов, — замечает Г. Шустер, — существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы» [7, с. 7]. За прошедшие тысячелетия ничего не изменилось: тайные союзы и общества продолжают существовать, и здесь справедлива метафора Ч.У. Гекертон: «Дерево должно иметь корень» [8, с. 7]. Однако следует возразить его утверждению о «миновании надобности в тайных обществах»: власть без корневой системы конспирации существовать не может [там же, с. 24–25]. Это противоречит ее природе, поскольку вожденное благо ограничено и стремление к его достижению всегда сопровождается интригами.

С позиций криминологии особый интерес представляет феномен криминального менеджмента, который можно определить как управление: 1) преступной организацией; 2) лицами, занимающимися преступной деятельностью, со стороны преступных сообществ и их лидеров; 3) осужденными в местах лишения свободы. Отсюда вытекает понятие криминалитета как лиц, занимающихся криминальным менеджментом.

1. Управление преступной организацией имеет определенные традиции и особенности. По общему правилу такое управление авторитарно, строится по иерархическому или пирамидальному принципу. Следует обратить внимание на существование внутренних правил, нарушение которых карается всегда, и подчас довольно сурово [9–16] (в криминальных организациях принцип неотвратимости наказания скрупулезно соблюдается). Однако в последние десятилетия на первый план выходит сетевая структура преступных организаций, которые заключают союзы друг с другом, с криминаль-

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ными предпринимателями и с повстанческими движениями для конкретных операций. Они коррумпируют лидеров нестабильных, экономически неустойчивых или несостоятельных государств, проникают в проблемные банки и бизнесы, контролируя обширные территории. Преступные сети имеют «рыхлый», временный характер, что затрудняет их оперативную разработку и документирование преступной деятельности. В то же время вопросы обеспечения конспирации разрабатываются особенно тщательно. В частности, активно используются легальные формы прикрытия криминальных операций, делается опора на этническую солидарность и клановость, совместный преступный и тюремный опыт, разведку и контрразведку. Информационные потоки идут от периферии к ядру, где подвергаются анализу. В обратном направлении поступают только команды [17; 18]. Цифровизация взята на вооружение сетевыми криминальными структурами и эффективно ими используется [19, с. 207–211].

Определенные особенности криминального менеджмента связаны с функционированием временных преступных организаций, созданных для реализации конкретных криминальных проектов и контрактных организованных преступных групп, работающих по модели «преступление как сервис» [там же, с. 216–217]. Это ставит задачу поиска и учета профессионалов в любой области, готовых оказать услуги криминальным организациям.

2. Управление лицами, занимающимися преступной деятельностью, со стороны преступных сообществ и их лидеров включает в себя ряд вопросов: 1) эффективное решение внутриклановых конфликтов; 2) подбор и расстановка кадров в криминальной системе (по функциям и территориям); 3) контроль за состоянием криминальной обстановки, главной целью которого является противодействие преступному хаосу (беспределу). «В преступном мире власть Воров не ограничена ничем, однако уклад их собственной жизни полон ограничений, — утверждает в программной статье сайта воров в законе «Прайм Крайм. Первый по вора́м». — Все бесчисленные «нельзя» предписывались Вора́м ради всего одного «можно» — решать человеческую судьбу. Это право, гораздо более тяжкий крест, в преступном мире закреплено только за ними... Главная функция Вора — беспристрастное разрешение любых конфликтов. В принятии решений Вор самостоятелен и за правильность

каждого несет личную ответственность. Никто не вправе указывать Вору, как поступить. Слово Вора — истина в последней инстанции. Решение Вора не подлежит обсуждению, его не может отменить даже другой Вор»⁴. Вот такая откровенная апологетика воровского движения, в которой сосредоточена идеология криминального менеджмента. На другом сайте, освещающем подробности криминального мира, приведены сведения о «смотрящих» за городами России со стороны его представителей⁵.

3. Криминальный менеджмент в местах лишения свободы давно известен и распространен во всем мире. Например, в США большим влиянием обладают тюремные банды, в особенности латиноамериканские. Каждая из них имеет свои внутренние правила, а средствами управления выступают насилие и наркотики [20]. В последние годы заметной силой в тюрьмах США стали черные мусульмане [21]. В России распространена организационная система «смотрящих» (за «хатами», блоками, этапами и пр.), над которыми стоят воров или «положенцы», а правила жизни в неволе регулярно доводятся до массы арестантов или осужденных в виде «воровских прогонов», основное содержание которых со времен СССР практически не изменилось. «Криминальная организация осужденных является субъектом, где принимаются экономические решения, связанные с установлением нелегальных цен на продукты питания, спиртное, наркотики, процентных ставок отчислений в «общак» с любых законных и незаконных доходов, полученных осужденными, и т.д.» [22].

Взаимодействие и сотрудничество представителей официальной и криминальной власти. Президент Российской криминологической ассоциации А.И. Долгова (1937–2020) в структуре общества в целом наряду с легалистским обществом и маргинальной средой выделяет криминальное общество лиц, ориентированных на альтернативные закону ценности и нормы поведения, решающих свои проблемы с нарушением уголовного запрета, и субъектов, обслуживающих данных лиц, пользующихся результатами их деятельности в корыстных и иных личных интересах (проститутки, распространители кри-

⁴ Воров, кто они // Прайм Крайм. URL: http://www.primecrime.ru/news/2014-08-22_5811.

⁵ Ссмотрящий по Саранску Рашид Мамедов ; Еще один Вологодский смотрящий задержан ; Ссмотрящий из Башкирии попался вместе с бандой. URL: <http://www.mzk1.ru>.

минальной психологии и т.п.). Именно криминальное общество образует «государство» в государстве и реализует криминальную власть, которая охватывает различные сферы его жизнедеятельности: экономическую, социальную, политическую, духовную [23, с. 370–374]. Понятно, что установить полноту криминальной власти и ее масштабы в «нормальном» государстве можно только приблизительно и только по косвенным признакам. Отсюда объективная потребность в конспирологическом анализе. «Конспирология как научная программа, — пишет А.И. Фурсов, — это, помимо всего прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как реально функционирует власть. А поскольку истинная власть — это, как правило, тайная власть или явная власть в ее тайных действиях, в тайном измерении, то ее анализ по определению имеет конспирологический аспект» [24, с. 15].

«Важно понимать, — указывает А.И. Долгова, — что между легалистским, криминальным обществом, маргинальной средой нет какой-то «нейтральной полосы»: они взаимно переплетаются, взаимодействуют друг с другом, характеризуются «перетеканием» их членов из одной подструктуры в другую и обратно» [23, с. 375]. Что и говорить: это тяжелый диагноз, поскольку даже в позднесоветские времена (период брежневского правления) российские руководители различного уровня чурались каких-либо контактов с представителями криминалитета.

Криминальная власть закономерно стремится легализоваться, поскольку отчетливо понимает, что красть эшелонами гораздо безопаснее, чем мешками, а в экономической сфере существует такое огромное количество пробелов и «наскверленных дырок», что грех ими не воспользоваться. Чего стоит только изначально криминогенная, но тем не менее легализованная деятельность микрофинансовых организаций⁶, породившая проблему совершения преступлений со стороны коллекторов, выбивающих долги и начисленные по ним проценты. А закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁷ позволил успешно легализоваться многим преступным организациям.

⁶ О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : федер. закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ // Российская газета. 2010. 7 июля.

⁷ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 // Там же. 1992. 30 апр.

С другой стороны, поразительное благосостояние современной российской бюрократии (лиц, принимающих решения) имеет коррупциогенную природу, что доказано многочисленными исследованиями [25–30] и определяет пролонгированный характер антикоррупционной государственной политики. Давно известна роль организованной преступности в коррумпировании бюрократического аппарата. В то же время некоторые, наиболее коррумпированные, сегменты государственного управления до настоящего времени находятся вне зоны пристального внимания [31].

Особую остроту приобретает проблема роли спецслужб в организации преступной деятельности, примером чего является участие ЦРУ в глобальном обороте наркотиков [32]. В таком случае преступная деятельность для них постепенно становится основной, а внимание общественности отвлекается сфабрикованными уголовными делами и сомнительными пиар-акциями типа убийства Бен Ладена онлайн.

Анализ криминализации общественных отношений основан на использовании системного и прогностического подходов. Он имеет отношение к конспирологии, поскольку позволяет установить криминогенные последствия принятия стратегических решений на основе корыстной мотивации или иной личной заинтересованности. Следует учесть, что процесс криминализации идет неравномерно, и в государстве могут появиться криминальные анклавы, в которых муниципальная или региональная власть сращивается с властью преступных организаций и становится криминальной властью [33]. В этой связи чрезвычайно актуальна задача составления криминологической карты России, на которой должны получить отражение комплексы криминологических признаков, характеризующих состояние криминальной и криминогенной обстановки в каждом субъекте Российской Федерации, включая участие представителей власти и их близких родственников в бизнесе, качество регионального управления, особенности налоговой и бюджетной политики, практику проведения торгов на заключение государственных и муниципальных контрактов, личные отношения между представителями бизнеса и власти, эффективность противодействия экономической преступности, удовлетворенность населения своим социальным положением и др. Конечно, такая карта будет иметь ограниченное пользование, но она поможет выровнять меж-

региональное экономическое положение и снизить социальную напряженность.

При сравнительной оценке степени криминализации на межгосударственном уровне важно иметь в виду, что международные индексы (Индекс восприятия коррупции, Индекс качества государственного управления, Индекс недееспособности государств, Индекс глобальной конкурентоспособности, Индекс верховенства права, Глобальный индекс рабства) политизированы и поэтому требуют взвешенного анализа. Например, Индекс недееспособности государств (Fragile States Index), внешне весьма презентабельный (построенный на основе 12 индикаторов, оценивающих социальную, экономическую и политическую обстановку в стране), в таблице 2020 г., где первое место занимает Йемен а последнее (178-е) — Финляндия, отводит России довольно низкую позицию (в 2020 г. — 76-е место), включая ее в группу неустойчивых государств. При этом более высокие места отведены Мексике (98-е) и Албании (119-е)⁸. Даже неспециалисту ясно, что в Мексике («нашпигованной» наркокартелями) и в Албании (вместе с Косово — восточноевропейским хабом по торговле людьми) криминальная ситуация не может быть лучше, чем в России. А ведь именно криминальная ситуация определяет в конечном итоге значение всех индикаторов.

Последним пределом криминализации общественных отношений является криминальное государство. Криминальное государство — это конкретно-исторический тип, представляющий собой псевдопубличную организацию общества для реализации групповых и частных интересов на основе антиправа (неправа). В криминальном государстве организация публичных институтов связана с попранием конституционных основ демократических государств, нарушением прав человека, фальсификацией результатов демократических процедур, манипулированием сознанием населения. Признаки криминального государства таковы: 1) криминальная идеология, основанная на ксенофобии и нравственном нигилизме; 2) политика геноцида и нарушение прав человека; 3) причастность органов власти к торговле людьми; 4) превращение закона в инструмент произвола и насилия; 5) агрессивные войны и терроризм; 6) формирование криминальной инфраструктуры для транснациональной преступной и террористической деятельно-

сти; 7) осуществление государственной власти криминалитетом. Криминальное государство воплощает кастовые, групповые и частные интересы вопреки интересам прогрессивного развития личности, общества и государства. Чаще всего кастовые, групповые и частные интересы отождествляются с политическими и экономическими выгодами, что способствует концентрации власти и материальных богатств в руках узкой категории собственников. В криминальном государстве происходит подмена права законом, нарушающим публичные интересы, — неправом [34].

Тема криминального государства активно разрабатывается в западных университетах с явно заказными целями: представить своих политических оппонентов в исключительно невыгодном свете, превратить их в международных изгоев [35; 36]. Дело доходит до смешного: снижение цен на коммунальные услуги в Венгрии оценивается как проявление популизма и явный признак мафиозного посткоммунистического государства [37, р. 311–322]. Поэтому необходимо учитывать ангажированность авторов, принимающих участие в мировой гибридной войне. С нашей точки зрения, доверять следует тем публикациям, достоверность материалов которых подтверждена объективным историческим анализом и неопровержимыми фактами [38; 39].

Конспирологические планы глобалистов, на наш взгляд, целесообразно изучать и оценивать прежде всего с позиций симуляционного подхода. В современном мире жизнь все чаще подменяется «картинкой», тем самым стирается грань между реальностью и симуляцией. По Ж. Бодрийяру, симуляция становится способом существования «виртуализированного» общества. В нем представление о реальности заменяет саму реальность, а ложное легко подменяет истинное. В симулякре получает завершение процесс полного отрыва от реальности, теперь представление не должно содержать ничего реального, оно становится самодостаточным [40, с. 34–35].

Главная проблема заключается в том, что мировые конспирологи живут в созданном ими сюрреалистическом мире, они страшно далеки не только от народа, но и от реальности. Слияние власти и богатства дает одинаковый антропологический результат во все времена, образуя монстров в человеческом образе, которых их идеолог Ницше назвал «сверхчеловеками». «Ценность — это наивысшее количество власти,

⁸ Fragile States Index 2020. URL: <http://www.fragile-statesindex.org>.

которое человек в состоянии себе усвоить, — человек, а не человечество! Человечество, несомненно, скорее средство, чем цель. Речь идет о типе: человечество просто материал для опыта, колоссальный излишек неудавшегося, поле обломков» [41, с. 368]. Они, прямо по Ф.М. Достоевскому, считают себя вправе экспериментировать над «тварями дрожащими».

«Конспирологи-сверхчеловеки» знаменуют отрицательную социодинамику — движение назад, в прошлое, в «темные века» язычества. Их генеральная ментальная характеристика — склонность к оккультизму (от лат. *occultus* — тайный, скрытый). И для Древнего Рима с его тремя «Книгами Сивилл», хранящимися в каменном ларце в храме Юпитера Капитолийского под охраной десяти жрецов [42], и для Третьего рейха с его «Аненербе» («Наследием предков») (привет от тысячелетнего германского язычества и варварства) [43, с. 416], и для наших дней с мистериями Голливуда⁹ характерны криминальные обрядовость и склонность к авантюрам, продиктованным оккультными практиками.

«Конспирологам-повелителям» свойственно криминальное мышление. Его признаками являются: клановость — деление общества на «мы» и «они»; патологическая «воля к власти»; решение проблем преступным образом; вседозволенность, уверенность в безнаказанности; отсутствие угрызений совести при совершении преступлений («сожженная совесть»); алчность, сребролюбие, стремление обогатиться любым способом; бессердечность, презрение к простым людям; лицемерие, лживость; завышенная самооценка и любовь к лести; сбои в прогнозировании событий, нежелание признавать ошибочность своих решений и действий; отсутствие здравого смысла. Вот неполный перечень качеств, свойственных представителям «совета нечестивых».

⁹ Мэл Гибсон признается вслед за Джимом Керри: голливудская элита убивает невинных детей и совершает сатанинские ритуалы! Страшные откровения известного актера! // Мономах. URL: <http://monomah.org/archives/9868>.

Современная библиография характеризует глобальные проекты мировых конспирологов с двух точек зрения: со стороны их адептов и противников. Частным примером этого является описание истории возникновения «Исламского государства»¹⁰ в различных публикациях [44; 45].

Заключение

Информационная ситуация такова, что каждому мыслящему человеку приходится самому определяться, чью сторону он выбирает. В ряду критериев, на которые он может опереться, мы предлагаем обратить внимание на криминологический: в какой степени криминальны реализуемые проекты и насколько криминогенны их последствия.

В соответствии с отчетом Австралийского политического института, недавний опрос показал, что 44 % республиканцев и 19 % демократов в США сейчас верят в то, что миллиардер Билл Гейтс связан с «коронавирусным заговором», чтобы использовать прививки в качестве предлога для имплантации микрочипов в людей. И дело не только в Америке: 13 % австралийцев уверены, что Билл Гейтс сыграл определенную роль в создании и распространении коронавируса, причем среди молодых австралийцев их число составляет 20 %. Протесты идут по всему миру — от Германии до Мельбурна [46]. Не касаясь медико-политической подоплеки (а медицина, очевидно, стала мощным политическим инструментом), заметим, что главная цель деятельности Гейтса — сокращение населения [47] — криминальна, поскольку ведет к международному преступлению — геноциду. Считаем, что дискуссии вокруг этой темы, которые ведутся в России, должны оцениваться с позиций российского законодательства об экстремизме.

Таким образом, криминологический подход позволяет выявить проекты, опасные для человечества, с тем чтобы обеспечить его фундаментальные права — на жизнь и свободу.

¹⁰ Организация запрещена в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирян Т.М. Они написали заговор: конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой / Т.М. Амирян. — Москва : Фаланстер, 2013. — 352 с.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. — Москва : Наука, 1994. — 380 с.
3. Baumgartel S. The Crime of Associating with Criminals? An Argument for Extending the Reves «Operation or Management». Test to RICO Conspiracy / S. Baumgartel // The Journal of Criminal Law and Criminology. — 2006. — Vol. 97, № 1. — P. 1–48.
4. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии / М.Г. Козловская // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2018. — № 2. — С. 175–179.
5. Безверхов А.Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели / А.Г. Безверхов // Российская юстиция. — 2012. — № 10. — С. 31–34.

6. Клейменов М.П. Профанация уголовной политики / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2017. — № 3. — С. 131–134.
7. Шустер Г. История тайных обществ, союзов и орденов / Г. Шустер. — Москва : Центрполиграф, 2018. — 671 с.
8. Гекертон Ч.У. Тайные общества всех веков и всех стран / Ч.У. Гекертон. — Москва : Центрполиграф, 2018. — 447 с.
9. Дикки Д. Cosa Nostra: история сицилийской мафии / Д. Дикки. — Москва : Эксмо, 2007. — 528 с.
10. Servadio G. Mafioso: A History of the Mafia from its origins to the present day / G. Servadio. — New York : Dell publ., 1978. — 316 p.
11. Catino M. Mafia rules. The role of criminal codes in mafia organization / M. Catino // Scandinavian Journal of Management. — 2015. — Vol. 31, iss. 4. — P. 536–548.
12. Chen An. Secret Societies and Organized Crime in Contemporary China / An Chen // Modern Asian Studies. — 2005. — Vol. 39, № 1. — P. 77–107.
13. Kaplan D.E. Yakuza: Japan's Criminal Underworld / D.E. Kaplan, A. Dubro. — Berkley : Univ. of California Press, 2003. — 400 p.
14. Монахов В.И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними / В.И. Монахов. — Москва : Политотдел ГУИТК МВД СССР, 1957. — 79 с.
15. Вакутин Ю.А. Преступные группировки: их обычаи, «законы» / Ю.А. Вакутин, Б.Ф. Водолазский. — Омск, 1979. — 38 с.
16. Скобликов П.А. Имущественные споры и криминал в современной России / П.А. Скобликов. — Москва : Дело, 2001. — 341 с.
17. Sparrow M.K. The Application of Network Analysis to Criminal Intelligence: An Assessment of the Prospects / M.K. Sparrow // Social Networks. — 1991. — Vol. 13, № 3. — P. 251–274.
18. Williams Ph. Transnational Criminal Networks / Ph. Williams // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy / ed. J. Arquilla, D. Ronfeldt. — URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1382.html.
19. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира : учебник. — Москва : Инфра-М, 2018. — 352 с.
20. Skarbek D. The Social Order of the Underworld: How Prison Gangs Govern the American Penal System / D. Skarbek // The Independent Review. — 2015. — Vol. 19, № 4. — P. 622–625.
21. Jacobs J.B. Race Relations and the Prisoner Subculture / J.B. Jacobs // Crime and Justice. — 1979. — Vol. 1. — P. 1–27.
22. Кутякин С.А. Современная парадигма организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России / С.А. Кутякин // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4. — С. 9–12.
23. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. — Москва : Рос. криминол. ассоц., 2003. — 572 с.
24. Фурсов А.И. De Conspiratione: Капитализм как заговор. Том I. 1520–1870-е годы / А.И. Фурсов // De Conspiratione / О заговоре. — Москва, 2019. — С. 7–144.
25. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / под ред. Г.А. Сатарова. — Москва : Либер. миссия, 2013. — 752 с.
26. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение / П.А. Кабанов. — Казань : Новое знание, 2004. — 174 с.
27. Simonia N.A. Peculiarities of Corruption in Russia and the Challenges Involved / N.A. Simonia // Connections. — 2002. — Vol. 1, № 2. — P. 21–32.
28. Libman A. Sub-National Variation of Corruption in Russia: What Do We Know About It? / A. Libman, V. Kozlov // Region. — 2013. — Vol. 2, № 2. — P. 153–180.
29. Boylan S. Organized Crime and Corruption in Russia / S. Boylan, S. Kpundeh, K. Voltz // American Society of International Law. — 1996. — Vol. 90. — P. 90–98.
30. McFarlane J. Transnational crime: corruption, crony capitalism and nepotism in the twenty-first century / J. McFarlane // Corruption and Anti-Corruption / ed. P. Larmour, N. Wolanin. — Canberra, 2013. — P. 131–145.
31. Симчера В. Казна России ежегодно недополучает как минимум 100 млрд долларов / В. Симчера // Изборский клуб. — URL: <https://izborsk-club.ru/18908>.
32. Скотт П. Наркотики, нефть и война: США в Афганистане, Колумбии и Индокитае / П. Скотт. — Москва : Кучково поле, 2012. — 304 с.
33. Клейменов И.М. Криминальное государство: введение в проблему / И.М. Клейменов // Вестник Омского государственного университета. Сер.: Право. — 2013. — № 4 (37). — С. 127–136.
34. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Клейменов. — Омск, 2015. — 486 с.
35. Satter D. Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State / D. Satter. — London : Yale Univ. Press, 2003. — 336 p.
36. Magyar B. Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary / B. Magyar. — Budapest : Central European Univ. Press, 2016. — 336 p.
37. Magyar B. Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / B. Magyar, J. Vasarhelyi. — Budapest : Central European Univ. Press, 2017. — 660 p.
38. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / Е.Г. Пономарева // De Conspiratione / О заговоре. — Москва, 2019. — С. 333–522.
39. Wood G. Business and Politics in a Criminal State: The Case of Equatorial Guinea / G. Wood // African Affairs. — 2004. — Vol. 103, № 413. — P. 547–567.
40. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. — Минск : Красико-принт, 1996. — С. 32–47.
41. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. — Минск : Попурри, 1999. — 462 с.

42. Галикарнасский Д. Римские древности. Книга IV / Д. Галикарнасский. — URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1496004000#62>.
43. Фурсов А.И. Русский интерес / А.И. Фурсов. — Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2015. — 501 с.
44. Вайс М. Исламское государство: армия террора / М. Вайс, Х. Хасан. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2016. — 346 с.
45. Кемаль А. ИГИЛ. Зловещая тень Халифата / А. Кемаль. — Москва : Алгоритм, 2015. — 220 с.
46. Elise T. ID2020, Bill Gates and the Mark of the Beast: how Covid-19 catalyses existing online conspiracy movements / T. Elise, Z. Albert. — URL: <http://www.jstor.org/publisher/aspi>.
47. Владимиров Д. «Убрать людей». Билл Гейтс еще в 2019 г. смоделировал вспышку коронавируса? / Д. Владимиров // Аргументы и факты. — 2020. — 24 апр.

REFERENCES

1. Amiryani T.M. *Oni napisali zagovor: konspirologicheskii detektiv ot Dena Brauna do Yulii Kristevoy* [They Wrote a Conspiracy: Conspiracy Detective Stories from Dan Brown to Julia Kristeva]. Moscow, Falanster Publ., 2013. 352 p.
2. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 1. 380 p.
3. Baumgartel S. The Crime of Associating with Criminals? An Argument for Extending the Reves «Operation or Management». Test to RICO Conspiracy. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 2006, vol. 97, no. 1, pp. 1–48.
4. Kozlovskaya M.G. The Experience of Combating Organized Crime in Georgia. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 2, pp. 175–179. (In Russian).
5. Bezverkhov A.G. Contemporary criminal policy in the sphere of economics: looking for an adequate model. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 10, pp. 31–34. (In Russian).
6. Kleymenov M.P. Profanation of Criminal Policy. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 3, pp. 131–134. (In Russian).
7. Shuster G. *Istoriya tainnykh obshchestv, soyuzov i ordenov* [The History of Secret Societies, Unions and Orders]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2018. 671 p.
8. Heckethorn C.W. *Secret Societies of All Ages and Countries*. London, 1875. 351 p. (Russ. ed.: Heckethorn C.W. *Tainnye obshchestva vseh vekov i vseh stran*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2018. 447 p.).
9. Dickie J. *Cosa Nostra. A History of the Sicilian Mafia*. London, Hodder and Stoughton, 2007. 528 p. (Russ. ed.: Dickie J. *Cosa Nostra: istoriya sitsiliiskoi mafii*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 528 p.).
10. Servadio G. *Mafioso: A History of the Mafia from its Origins to the Present Day*. New York, Dell publ., 1978. 316 p.
11. Catino M. Mafia Rules. The Role of Criminal Codes in Mafia Organization. *Scandinavian Journal of Management*, 2015, vol. 31, iss. 4, pp. 536–548.
12. Chen An. Secret Societies and Organized Crime in Contemporary China. *Modern Asian Studies*, 2005, vol. 39, no. 1, pp. 77–107.
13. Kaplan D.E., Dubro A. *Yakuza: Japan's Criminal Underworld*. Berkley, University of California Press, 2003. 400 p.
14. Monakhov V.I. *Gruppirovki vorov-retsidivistov i nekotorye voprosy bor'by s nimi* [Groups of Thieves — Repeat Offenders and Some Aspects of Counteracting them]. Moscow, 1957. 79 p.
15. Vakutin Yu.A., Vodolazskii B.F. *Prestupnye gruppirovki: ikh obychai, «zakony»* [Criminal Groups: their Traditions, «Laws»]. Omsk, 1979. 38 p.
16. Skoblikov P.A. *Imushchestvennye spory i kriminal v sovremennoi Rossii* [Property Disputes and the Crime Community in Modern Russia]. Moscow, Delo Publ., 2001. 341 p.
17. Sparrow M.K. The Application of Network Analysis to Criminal Intelligence: An Assessment of the Prospects. *Social Networks*, 1991, vol. 13, no. 3, pp. 251–274.
18. Williams Ph. Transnational Criminal Networks. In Arquilla J., Ronfeldt D. (eds.). *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*. Available at: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1382.html.
19. Ovchinskii V.S. *Kriminologiya tsifrovogo mira* [Criminology of the Digital World]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 352 p.
20. Skarbek D. The Social Order of the Underworld: How Prison Gangs Govern the American Penal System. *The Independent Review*, 2015, vol. 19, no. 4, pp. 622–625.
21. Jacobs J.B. Race Relations and the Prisoner Subculture. *Crime and Justice*, 1979, vol. 1, pp. 1–27.
22. Kutuyakin S.A. Contemporary Paradigm of a Criminal Organization and Criminal Management in Correctional Institutions of the Penal System of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2013, no. 4, pp. 9–12. (In Russian).
23. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Criminality, its Organizations and the Criminal Community]. Moscow, Russian Association for Criminology Publ., 2003. 572 p.
24. Fursov A.I. De Conspiratione: Capitalism as a Conspiracy. Vol. I. 1520–1870s. *De Conspiratione / O zagovore* [De Conspiratione / On Conspiracy]. Moscow, 2019, pp. 7–144. (In Russian).
25. Satarov G.A. (ed.). *Rossiiskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika. Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian corruption: level, structure, dynamics. An experience of sociological analysis]. Moscow, Liberal'naya Missiya Publ., 2013. 752 p.
26. Kabanov P.A. *Politicheskaya korruptsiya v Rossii: ponyatie, sushchnost', prichiny, preduprezhdenie* [Political Corruption in Russia: concept, essence, causes, prevention]. Kazan, Novoe Znanie Publ., 2004. 174 p.
27. Simoniya N.A. Peculiarities of Corruption in Russia and the Challenges Involved. *Connections*, 2002, vol. 1, no. 2, pp. 21–32.
28. Libman A., Kozlov V. Sub-National Variation of Corruption in Russia: What Do We Know About It? *Region*, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 153–180.
29. Boylan S., Kpundeh S., Voltz K. Organized Crime and Corruption in Russia. *American Society of International Law*, 1996, vol. 90, pp. 90–98.
30. McFarlane J. Transnational crime: corruption, crony capitalism and nepotism in the twenty-first century. In Larmour P., Wolanin N. (eds.). *Corruption and Anti-Corruption*. Canberra, 2013, pp. 131–145.

31. Simchera V. The Russian Treasury annually misses at least 100 bln. US dollars. *Izborskii klub = The Izborsky Club*. Available at: <https://izborsk-club.ru/18908>. (In Russian).
32. Scott P.D. *Drugs, oil and war: The United States in Afghanistan, Colombia, and Indochina*. Lanham, 2003. 248 p. (Russ. ed.: Scott P.D. *Narkotiki, neft' i voyna: SShA v Afganistane, Kolumbii i Indokitae*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2012. 304 p.).
33. Kleymyonov I.M. Criminal State: Introduction in Problem. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2013, no. 4 (37), pp. 127–136. (In Russian).
34. Kleimenov I.M. *Sravnitel'naya kriminologiya: kriminalizatsiya, prestupnost', ugovnaya politika v usloviyakh globalizatsii. Dokt. Diss.* [Comparative Criminology: Criminalization, Crime, Criminal Policy in the Conditions of Globalization. Doct. Diss.]. Omsk, 2015. 486 p.
35. Satter D. *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State*. London, Yale University Press, 2003. 336 p.
36. Magyar B. *Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary*. Budapest, Central European University Press, 2016. 336 p.
37. Magyar B., Vasarhelyi J. *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State*. Budapest, Central European University Press, 2017. 660 p.
38. Ponomareva E.G. Project «Kosovo»: mafia, the NATO and big politics. *De Conspiratione / O zagovore* [De Conspiratione / On Conspiracy]. Moscow, 2019, pp. 333–522. (In Russian).
39. Wood G. Business and Politics in a Criminal State: The Case of Equatorial Guinea. *African Affairs*, 2004, vol. 103, no. 413, pp. 547–567.
40. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. Paris, Editions Galilee, 1981. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simulyakry i Simulatsiya. Filosofiya epokhi postmoderna*. Minsk, Krasiko-Print Publ., 1996, pp. 32–47).
41. Nietzsche F. *Volja k vlasti* [The Will to Power]. Minsk, Popurri Publ., 1999. 462 p.
42. Galikarnasskii D. *Rimskie drevnosti* [Roman antiquities]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1496004000#62>. (In Russian).
43. Fursov A.I. *Russkii interes* [Russian Interest]. Moscow, Partnership of Research Publishing Houses KMK Publ., 2015. 501 p.
44. Weiss M., Hassan H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. New York, Regan arts, 2015. (Russ. ed.: Weiss M., Hassan H. *Islamskoe gosudarstvo: armiya terrora*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2016. 346 p.).
45. Kemal A. *IGIL. Zloveshchaya ten' Khalifata* [ISIS. An Ominous Shadow of the Caliphate]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 220 p.
46. Elise T., Albert Z. *ID2020, Bill Gates and the Mark of the Beast: how Covid-19 Catalyses Existing Online Conspiracy Movements*. Available at: <http://www.jstor.org/publisher/asp>.
47. Vladimirov D. «Get rid of people». Did Bill Gates model the coronavirus outbreak back in 2019? *Argumenty i Fakty*, 2020, April 24. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клейменов Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация; заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: klim798@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клейменов М.П. Криминологические аспекты конспирологии / М.П. Клейменов. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).531-540 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 531–540.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kleymenov, Mikhail P. — Professor, Chair of Criminal Law and National Security, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation; Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Omsk, the Russian Federation; e-mail: klim798@mail.ru.

FOR CITATION

Kleymenov M.P. Criminological aspects of conspirology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 531–540. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).531-540. (In Russian).